

(Жизне) текст А. Башлачева как феномен позднесоветской эпохи: «юродские» мотивы¹

В работе рассматриваются особенности житнетворческого поведения А. Башлачева, темы и мотивы текстов автора, способствовавшие формированию биографического мифа о нем как о «юродивом». Делается вывод об обусловленности повседневно-бытового и сценического поведения, характерных топосов лирики А. Башлачева спецификой позднесоветской эпохи, в частности, процессом «перформативного сдвига» и феноменом безреферентного знака, доказывается взаимосвязь между творческой позицией, философией поэта и его биографическим мифом.

Ключевые слова: Башлачев, рок-поэзия, мотивы юродства, советская культура 1980-х, житнетворчество.

Ключевой особенностью периода позднего социализма, обострившейся в 80-е, т.е. в период, на который пришлось творчество А. Башлачева, является несоотнесенность фундаментальных категорий формы и содержания. Именно процесс «перформативного сдвига» (А. Юрчак), осознание тотальной безреферентности знака обусловили травму человека «последнего советского поколения» и, следовательно, характерные черты текстов и биографического мифа А. Башлачева как феноменов эпохи. Одной из центральных составляющих последнего является представление о Башлачеве как о «юродивом».

Следует отметить, что такое понимание в значительной мере свойственно субъективному и идеализирующему взгляду реципиентов-современников. Так поведение Башлачева прочитывается, например, С. Рыженко: «<...> он всегда был таким, с улыбкой своей полуюродивой. Всегда у него присутствовала некоторая степень закрытой откровенности»². Однако данная трактовка поведения и произведений автора встречается

и в научных текстах. В статье А. Н. Ильина «Энтелехия юродства в творчестве Александра Башлачева» стихотворения поэта рассматриваются как подтверждение того, что Башлачев является «ярким юродивым советского периода»³. На «юродское» в жизни Башлачева обращает внимание С. С. Шаулов: «Юродство для позднего Башлачева оказалось единственно естественной *формой поэтического быта*»⁴. Выявим и рассмотрим далее поведенческие практики, осуществляемые Башлачевым и так или иначе способствовавшие формированию биографического мифа о нем как о юродивом.

Среди характерно юродских поведенческих жестов в воспоминаниях о Башлачеве существенное место занимает раздевание догола. Такие факты отмечаются преимущественно в рассказах современников о событиях, относящихся к времени работы Башлачева как автора текстов группы «Рок-сентябрь» или до нее, т. е. раннему творчеству поэта: «Башлачев выделялся среди нас <...> экстравагантностью поступков. Порой это выходило за все допустимые пределы. Помню, как-то летом он *танцевал голый* на теннисном столе в присутствии женских глаз <...>. Такое отношение у него было ко всему, так он выражал свой протест»⁵. «На дворе *стояла зима* <...> На диван, в самую гущу гостей из мешка я вытряхнул Башлака <прозвище Башлачева времен вуза. – Е. С.>. Из одежды на нем был только *газовый бантик*, повязанный на причинное место. <...> Как видите, *театр* в нашей жизни не прекращался никогда. Сегодня всех *спектаклей* не упомнишь»⁶.

Раздеваясь, Башлачев, таким образом, как и юродивый, провоцирует публику, при этом обращает внимание на театральный характер такого поведения. Примечательно, что «театр» разыгрывался в значительной степени именно перед женщинами и напоминает потому «мотив бесстыдства праведника»⁷, который в то же время возникает и в отличных от рассмотренных контекстах, например: «СашБаш <прозвище Башлачева. – Е. С.> не мог работать с техникой <...>. Я помню, как он *раздевался в студии догола, стоял при записи вокала на коленях, ползал на четвереньках* <...>. Он не мог петь в пустоту, <...> ему была необходима хотя бы одна девушка в аудитории»⁸. Здесь раздевание и вообще выходящее за рамки «нормальности» поведение («ползал на четвереньках», «стоял на коленях») осуществляется

не потому, что Башлачеву, как юродивому, нужно спровоцировать публику (и, как и юродивому, в особенности женскую), а наоборот – потому, что публика отсутствует и нужно каким-то иным образом ввести себя в состояние, обычно переживаемое при исполнении произведений. Кроме того, раздевание Башлачева может быть прочитано как характерная юродская жестикация, осуществляемая им, вопреки Д.С. Лихачеву и А.М. Панченко, не только на публике (точнее – «публике своих», особенно характерной для 80-х, то есть «не совсем публике»), но и наедине с собой. Как юродская провокация также может восприниматься особая манера разговора («провокационные вопросы», резкая смена темы и т. п.), на которую обращают внимание современники⁹. Для Башлачева, таким образом, была характерна не только «агрессивная», «активная» провокация публики, но и «пассивная» – казавшееся странным, загадочным поведение. Примечательно, что воспоминания об этом принадлежат участниками группы «Рок-сентябрь», свое участие в которой Башлачев позже оценивал критически.

Другая лейтмотивно возникающая в воспоминаниях современников черта Башлачева, имеющая сходство с характерно юродской особенностью, – физическое и психическое нездоровье. Так, как симуляцию безумия юродивого можно рассматривать приписывание Башлачевым себе диагноза «маниакально-депрессивный психоз». В реальности это имело, очевидно, весьма прагматические причины – уклонение от военных сборов в 1983 г. Внешность Башлачева, согласно описанию современников, человека физически слабого, нездорового, также может быть воспринята как характерно юродская: «Невысокий, худой, умеренно длинноволосый, с плохими, как у большинства обделенных витаминами северян, зубами и светлыми, восторженными глазами» [С. 394]; «<...> В этом маленьком, тщедушном тельце такое огромное содержание...» [С. 66], «В углу комнаты сидел невзрачный, плохо вымытый, тщедушный человек» [С. 307].

Находит отражение в поведенческой практике Башлачева и «юродский» мотив мученичества в нескольких своих репрезентациях. Неоднократные в научной литературе указания на неприятие богатства как на один из ведущих принципов поведения в рок-культуре можно соотнести с аскетизмом как

основой подвига юродства. Так, Башлачевым в интервью главным для рок-поэта провозглашается «отрицание золотой купели»¹⁰: «...дезертиры-коммерсанты пусть отсиживаются в своих землянках, все равно за шелестом червонцев они уже ничего не слышат»¹¹. Единодушны в признании за Башлачевым этой черты также современники: «...о деньгах он думать не любил, не умел, не хотел»¹².

Лишения в жизни Башлачева, как и юродивого, непосредственно связываются с характерным для рок-поэтов скитальничеством, бытовой неустроенностью, нежеланием выстроить какие-либо постоянные связи: «В нем не было такой крестьянской жилки, он *не строил никакого фундамента* – ни семьи, ни дома»¹³. Сюда примыкает подчеркнутое и намеренное выпадение, исключенность Башлачева из реальности, социума, соответствующие такой особенности юродивого, как иномирность, которая обыкновенно рассматривается исследователями как одна из форм протеста юродивого¹⁴. Так, современник Башлачева пишет: «Как-то он <Башлачев. – Е. С.> рассказывал мне о том, что *вышел из социума* и никогда туда не вернется. <...> Все, что было в прошлом, *связывало его* и мешало делать то, что он делал. Для этого *ему необходимо было быть вне социума, вне законов, вне правил*»¹⁵.

Данные факты биографии Башлачева можно прочесть в связи с «юродским» желанием страдания (как душевного, так и физического), являющегося основой его концепции творчества: «Все только через страдание. Когда душа болит, значит, она работает»¹⁶. Другой поведенческий мотив, своей основой имеющий желание страдания, – самоистязание юродивого. Как его буквальная реализация может рассматриваться особая исполнительская манера Башлачева. Современники поэта абсолютно единодушны при ее определении: «Пальцы в кровь сбивал на каждом концерте. <...> Неподготовленные слушатели побаивались... Конечно, *тяжело* было на него *смотреть*, потому что периодически он *впадал в такой раж*, что уже *ничего вокруг не замечал*. Для многих его концерты были серьезным *потрясением*»¹⁷; «он настолько заходил в этой своей *неистойвой манере* исполнения – кровь с пальцев! В общем, слушатели уходили с его концертов совершенно *ошарашенными*, это был эмоциональный *шок, катарсис*»¹⁸. Здесь примечателен постоян-

ный акцент на эмоциональном потрясении слушателей: поведение Башлачева, как и поведение юродивого, вызывает, наряду со смехом, и страх у аудитории, к которой оно обращено¹⁹.

В целом изменения в творческом поведении Башлачева можно сопоставить с эволюцией фигуры русского похаба: «активное» и агрессивное юродство вытесняется со временем похабством как формой общественного протеста, самоистязанием, мученичеством, профетизмом («пассивным» юродством)²⁰. Так, во-первых, общественный протест, по мнению А. Юрчака²¹, в целом более характерны для второй половины 80-х, т. е. времени, совпадающего со зрелым творчеством Башлачева. Во-вторых, упоминание современниками такой «активной» формы юродства, как раздевания догола, относится преимущественно к периоду раннего творчества автора, в то время как юродская манера исполнения произведений как форма «самоистязания» в большей степени характерна для позднего творчества Башлачева.

Следует рассмотреть также моменты несовпадения поведения Башлачева с практиками, осуществляемыми другими «юродивыми» рок-авторами 80-х. Н. В. Бубырь отмечает «карнавальность» поведения рок-поэтов на сцене как часть их сценического имиджа и творческого амплуа²², что в целом нельзя назвать характерным для Башлачева. Более того, к подобным действиям других авторов сам Башлачев относился крайне отрицательно: «Гор <московский музыкант и художник. – Е. С.> где-то набрал сырого мяса, говядины, и разбрасывал ее по сцене, со сцены <...> Вот это на Сашу произвело гнетущее впечатление. Он был совершенно возмущен. Он говорил, что это невозможно, на это тошно смотреть, как можно так делать, чтобы людей тошнило»²³. Примечательно, что вызывающее неприятие Башлачева поведение в данном случае является буквальной «цитатой»: этот жест демонстрировал псковский юродивый Николай Салос, встретивший Ивана Грозного с сырым мясом, тем самым намекая на кровь, которую намерен был пролить царь.

Другая линия несовпадения Башлачева с типичным образом юродивого рок-поэта – характер взаимоотношений с аудиторией. По Н. В. Бубырю, рок-поэт-«актер» провоцирует ее аморальными действиями, а зритель «вместо почитания святости юродивого начинает его осмеивать и избивать»²⁴. В противо-

положность этому, случаи проявления слушателями агрессии в воспоминаниях о Башлачеве отсутствуют. Кроме того, неоднократны сравнения современниками его со святым, праведником, пророком (ср. с центральным образом поэта-пророка в лирике Башлачева), встречаются сближения с Кришной²⁵; и «эльфом»²⁶. Итак, в случае с Башлачевым фигура автора рассматривается как неординарная, доходящая в своем знании, текстах-откровениях до святости и/или практически обожествляется, в то время как феномен юродства предполагает не обожествление фигуры юродивого аудитории, а конфликт с ней.

Говоря о формировании мифа о Башлачеве-«юродивом», следует также принять во внимание тексты, лирический герой в которых так или иначе сближается с юродивыми/шутами/скоморохами как культурными типами, в разной мере делая тем самым возможным отождествление реципиентами его и Башлачева как биографического автора. В качестве примера рассмотрим стихотворение «Похороны шута». Здесь стоит обратить внимание, что и в первой части стихотворения герои погружены в карнавал: у дьячка «подбитая щека», плотник Демьян «*как всегда пьян*». Именно по этой причине «шуты умирают от скуки» и «молчат бубенцы» колпака лирического героя: все окружающее абсурдно само по себе. Потому, на наш взгляд, здесь нельзя говорить о травестировании происходящего лирическим героем: мир, в котором он находится, изначально «ненормален», он *уже* «перевернут».

Специального внимания заслуживает обусловленность такой проблематики текстов и поведенческой практики Башлачева ключевыми особенностями заключительного этапа советского проекта. Принципиально важно отметить, что «классический» юродивый на Руси находился в «нормальном» хронотопе. Знак здесь упорядочен, встроен в систему, что делает возможным его травестирование. Такое объяснение механизма функционирования «юродского» поведения художников в период позднего социализма невозможно уже потому, что знак здесь не является собственно знаком. Отсюда очевидной становится взаимосвязь сложного отношения Башлачева к категориям формы и содержания, сущности знака, усиленное внимание к смыслу, поиск способа его воплощения, т.е. стремление обнаружить/создать обозначающее, адекватное обозначаемому с внутренней фило-

софской логикой его «юродского» поведения. Юродское поведение Башлачева высвечивает отсутствия реально существующей «нормы» мира. Так, призыв ходить голым юродивого XVI–XVII вв. мог «перевернуть» существующую систему знаковых конвенций, данная практика закономерно расценивалась как «антиповедение». Таким образом, символический жест, осуществляемый Башлачевым, не является «антижестом» юродивого в терминологическом смысле: он лишь стремится своей парадоксальностью обнаружить внутреннюю пустоту знака, уже деконструированного внутренней логикой эпохи.

-
- ¹ Исследование выполнено при поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках участия в конференции «Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева».
- ² Рыженко С. Правда, хорошо? [Электронный ресурс]: Электронная версия статьи / С. Рыженко // Воспоминания. Весь Башлачев: сайт. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/bashlatchev/4_16.html (дата обращения: 01.12.2016).
- ³ Ильин А. Н. Энтелехия юродства в творчестве Александра Башлачева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. С. 56.
- ⁴ Шаулов С. С. Ф. М. Достоевский и А. Башлачев: классика в неклассическом отражении // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 72. С. 70.
- ⁵ Знак кровоточия. Александр Башлачев глазами современников. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011. С. 47.
- ⁶ Там же. С. 78.
- ⁷ Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 37.
- ⁸ Наумов Л. Александр Башлачев: человек поющий/ Л. Наумов. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : ЗАО «Торгово-издательский дом “Амфора”», 2014. С. 303.
- ⁹ Знак кровоточия. Александр Башлачев глазами современников. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011. С. 48. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы.

- ¹⁰ *Наумов Л.* Указ. соч. С. 492.
- ¹¹ Там же. С. 484.
- ¹² СашБаш: «Я не кочегар, я просто сумасшедший поэт» [Электронный ресурс]: Текст интервью // Воспоминания. Вещь Башлачев: сайт. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/bashlatchev/4_4.html (дата обращения: 01.12.2016).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Панченко А. П.* Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. П., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 128.
- ¹⁵ Знак кровотечения. Александр Башлачев глазами современников. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011. С. 268.
- ¹⁶ *Наумов Л.* Указ. соч. С. 511.
- ¹⁷ Там же. С. 346.
- ¹⁸ Там же. С. 307.
- ¹⁹ *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 3.
- ²⁰ *Иванов С. А.* Указ. соч. С. 376.
- ²¹ *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
- ²² *Бубырь Н. В.* Маски русского рока: шут, скomorох, юродивый // Литературоведческий сборник. 2005. № 23–24. С. 202.
- ²³ *Наумов Л.* Указ. соч. С. 350.
- ²⁴ *Бубырь Н. В.* Указ. соч. С. 204.
- ²⁵ Знак кровотечения. Александр Башлачев глазами современников. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011. С. 266.
- ²⁶ Там же. С. 263.